

Русская Православная Церковь
Храм Державной иконы Божией Матери

ДЕРЖАВНЫЙ ЛИСТОК

№ 23

*Душетленными помыслы люте стужаемь есмь,
и тяжко ми есть. Не ли презриши
раба Твоего? Молю убо Тя, Пречистая:
изведи мя от гноища моего, исцели раны
моя и спаси мя, Владычице, спаси мя.
(Канон Державной иконе Божией Матери).*

Святитель Иоанн Златоуст:

**“НЕ ОТСЮДА ЛИ
БЕЗПОРЯДКИ В ДОМЕ?...
НЕ ОТСЮДА ЛИ
РАСТОРЖЕНИЕ БРАКОВ?...
НЕ ОТСЮДА ЛИ
БРАНИ И ССОРЫ?..”**

СЛОВО ПРОТИВ ЗРЕЛИЩ

Можно ли это стерпеть? Можно ли снести? С вами самими я хочу судиться против вас же. Так и Бог поступил с евреями; обращаясь к ним против них же самих, Он говорил: *людие Мои, что сотворих вам, или чим оскорбих вас, или чим стужих вам? Отвещайте Ми (Мих. 6,3);* и еще: *кое обретоша отцы ваши во Мне*

погрешение (Иер. 2,5)? Ему хочу и я подражать, и опять скажу вам: можно ли это стерпеть, можно ли снести? После столь долгих собеседований, после такого учения, некоторые, оставив нас, побежали смотреть на состязающихся коней и впали в такое неистовство, что наполнили весь город непристойным шумом и криком, возбуждающим смех, или лучше, плач. Посему я, сидя дома и слыша поднявшийся вопль, страдал больше застигнутых бурей. Как они в то время, когда волны ударяют в стены корабля, трепещут, подвергаясь крайней опасности; так и меня тяжко поражали те крики и я потуплял взор в землю и смущался, когда сидевшие на верхних местах вели себя так непристойно, а находившиеся внизу, среди площади, рукоплескали возницам и кричали больше тех. Что же скажем мы или чем оправдаемся, если кто-нибудь посторонний, случившись здесь, станет осуждать и говорить: это ли город апостолов, это ли город, имевший такого учителя, это ли народ христоролюбивый, общество не чувственное, духовное? Даже и самого дня вы не постыдились, в который совершились знамения спасения рода нашего; но в пятницу, когда Господь твой распят за вселенную, когда принесена такая жертва, и отверст рай, и разбойник возведен в древнее отечество, и клятва разрешена, и грех уничтожен, и долговременная вражда прекратилась, и примирение Бога с людьми совершилось, и всё изменилось - в тот день, когда следовало поститься, славословить и возносить благодарственные молитвы за благодеяния для вселенной к Совершившему их, - тогда ты, оставив церковь, и жертву духовную, и собрание братьев, и забыв важность поста, отдался в плен диаволу и повлекся на то зрелище. Можно ли это стерпеть, можно ли снести? Я не перестану постоянно повторять это и тем облегчать свою скорбь, чтобы не заглушить ее молчанием, но поставить на вид и обнаружить пред вашими глазами. Как же после этого мы будем в состоянии преклонить Бога на милость? Как можем примирить Его с нами разгневанного? За три дня пред сим лился проливной дождь, увлекая всё, исторгая, так сказать, из самых уст пищу земледельцев, ниспровергая зрелые колосья и истребляя всё прочее избытком влаги; у нас были молитвы и

моления, и весь наш город, подобно потоку, стекался к местам апостольским, и мы умоляли наших защитников - святого Петра и блаженного Андрея, двоицу апостолов, Павла и Тимофея. После того, как гнев Божий прекратился, мы, переплыв море и преодолев его волны, прибегли к верховным, Петру, основанию веры, и Павлу, избранному сосуду, совершая духовное торжество и возвещая их подвиги, трофеи и победы над бесами. И ты, не удерживаясь страхом бывшего и не научившись величием деяний апостольских, так скоро по прошествии одного дня, неистовствуешь и кричишь, не обращая внимания на то, что душа твоя пленена и увлекается страстями? Если тебе хотелось видеть бег безсловесных, то почему ты не обуздал безсловесные свои страсти, гнев и похоть, не наложил на них благого и легкого ярма любомудрия, не поставил над ними правого ума и не поспешил к почести вышнего звания, устремляясь не от преступления к преступлению, а от земли на небо? Такого рода бег, вместе с удовольствием, доставляет и великую пользу. А ты, оставив свои дела идти безрассудно и как случится, сидел, следя за победою других, истратив такой день напрасно, тщетно и даже во вред.

Или ты не знаешь, что, как мы, вверив деньги своим слугам, требуем у них отчета в каждом оболе, так и Бог потребует у нас отчета в днях нашей жизни, как мы употребили каждый день? Что же мы скажем? Чем будем оправдываться, когда потребуют у нас отчета о том дне? Для тебя возсияло солнце, луна осветила ночь, заблистал разнообразный сонм звезд; для тебя подули ветры, потекли реки; для тебя произросли семена, поднялись растения, течение природы удерживает свой порядок, является день и приходит ночь; всё это сделано для тебя; а ты, между тем как твари служат тебе, исполняешь волю диавола. Получив от Бога такой дом, то есть этот мир, ты не отдаешь Ему своего долга? И недостаточно тебе было одного дня, но и на другой день, когда следовало бы немного отдохнуть от прежнего нечестия, ты опять пошел на зрелище, из дыма бросившись в пламя, низвергнув себя в другую, ужаснейшую пропасть. Старцы посрамили свои седины, юноши подвергли опасности свою юность, отцы привели туда

своих детей, ввергая их, в самом начале невинного возраста, в пропасть нечестия, так что не погрешил бы тот, кто назвал бы их не отцами, а детоубийцами, нечестием погубляющими души рожденных ими. Какое же, скажешь, здесь нечестие? Но потому я и скорблю, что ты, находясь в болезни, не чувствуешь, что ты болен, и не ищешь врача. Ты исполнен прелюбодеяния, и спрашиваешь, какое нечестие? Или ты не слышал слов Христовых: *иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Матф. 5,28)? А что, если скажешь, буду смотреть не *ко еже вожделети*? Но как ты можешь убедить меня в этом? Кто не воздерживается от того, чтобы смотреть, но прилагает к этому такое усердие, тот как может после созерцания остаться чистым? Разве тело твое - камень? Разве оно - железо? Ты облечен плотью человеческою, которая скорее соломы воспламеняется от похоти. И что я говорю о зрелище? Часто и на площади, встретившись с женщиною, мы смущаемся; а ты, сидя вверху, где столько побуждений к нескромности, видя блудную женщину, выходящую с обнаженною головою, с великим безстыдством, одетую в золотые одежды, делающую нежные и обольстительные телодвижения, поющую блудные песни и развратные стихотворения, произносящую срамные слова и совершающую такие непристойности, какие ты, зритель, представляя в уме своем, потупляешь взоры, как смеешь говорить, что ты не испытываешь ничего человеческого? Разве тело твое - камень? Разве оно - железо? Я не удержусь повторить опять то же. Разве ты любомудреннее тех великих и доблестных мужей, которые пали от одного такого взгляда? Не слышал ли ты, что говорит Соломон? *Ввяжет ли кто огонь в недра, риз же не сожжет ли? Или ходити кто будет на углих огненных, ног же не сожжет ли? Тако вшедый к жене мужатей* (Притч. 6, 27-29). Ибо, хотя бы ты и не имел совокупления с блудницею, но имел с нею связь пожеланием и сделал грех волею. И не только в то время, но и тогда, когда окончится зрелище, когда она уже уйдет, в душе твоей остается ее образ, слова, одежды, взгляды, походка, стройность, ловкость, прелюбодейные члены, и ты уходишь, получив множество ран. Не

отсюда ли беспорядки в доме? Не отсюда ли погибель целомудрия? Не отсюда ли расторжение браков? Не отсюда ли брани и ссоры? Не отсюда ли бессмысленные неприятности? Ибо, когда ты, занятый и плененный ею, приходишь домой, то и жена кажется тебе не так приятною, и дети - несносными, и слуги - обременительными, и дом отвратительным, и обыкновенные заботы к устройению надлежащих дел кажутся беспокоящими, и всякий приходящий - обременительным, несносным.

Причина этого в том, что ты возвращаешься домой не один, но приводишь с собой блудницу, входящую не явно и открыто, - что было бы сноснее, ибо жена тотчас выгнала бы ее, - но сидящую в твоей душе и в сознании, и воспламеняющую внутри тебя вавилонский, и даже гораздо сильнейший пламень: - ибо пищей этого пламени служит не хворост, нефть и смола, но вышесказанное; - и всё у тебя приходит в беспорядок. Как больные горячкою, не имея никакой причины обвинять прислуживающих им дурному влиянию болезни, бывают недовольны всеми, отталкивают пищу, оскорбляют врачей, гnevаются на домашних и обижают служащих; так точно и одержимые этой тяжкою болезнью беспокоятся и негодуют, постоянно представляя себе ту блудницу. О, тяжкие дела! Волк, лев и прочие звери, быв ранены стрелою, убегают от охотника, а человек, одаренный разумом, получив рану, стремится к той, которая ранила его, чтобы получить еще жесточайшую рану, и находит удовольствие в этой ране; это прискорбнее всего и производит неизлечимую болезнь. Ибо кто не ненавидит своей раны и не хочет избавиться от нее, тот как станет искать врача? Потому я и скорблю и терзаюсь, что вы приходите оттуда, получив такую заразу, и за малое удовольствие навлекаете на себя непрестанное мучение. Подлинно, еще прежде геенны и тамошнего мучения, вы уже и здесь подвергаете себя крайнему наказанию. Не крайнее ли, скажи мне, мучение - питать такую похоть, постоянно воспаляться и везде носить с собой огонь непотребной любви и угрызение совести? Как ты приступишь к порогу этого святилища? Как прикоснешься к небесной трапезе? Как будешь слушать беседу о целомудрии, весь покрытый такими

ранами и язвами, имея душу, поработленную страсти? И нужно ли говорить о другом? И из того, что происходит теперь у нас, можно видеть душевную скорбь. Вот и теперь я вижу, как некоторые при этих словах ударяют себя в лицо, и изъявляю вам великую благодарность за то, что вы - такие сострадательные люди. Я думаю, что многие, может быть, не согрешив сами ни в чем, делают это из сожаления о ранах братии. Потому я скорблю и терзаюсь, что диавол заражает такое стадо. Но, если вы захотите, то мы тотчас заградим ему вход. Как и каким образом? Если больных мы увидим здоровыми; если, распростерши сети учения, отправимся искать уловленных зверем и исхитим их из самой пасти льва. Не говори мне: отделившихся от стада немного. Если бы их было только десять, и то не малая потеря, и если бы - пять, если бы - два, если бы - один. Так и тот пастырь, оставивший девяносто девять овец, отправился за одною и не возвратился дотоле, пока не привел ее и возвращением заблудшей пополнил оскудевшее без нее сторичное стадо (Матф. 18, 12). Не говори, что он только один, но подумай, что это - душа, для которой сотворено всё видимое, для которой существуют законы, наказания, мучения, безчисленные чудеса и многообразные дела Божии, для которой Бог не пощадил и Своего Единородного. Подумай, какая цена заплачена и за одного, и не пренебрегай его спасением, но поди, веди опять его к нам и убеждай, чтобы он не впадал в то же самое, чтобы нам иметь достаточное оправдание. Если же он не примет ни наших советов, ни наших увещаний, то я, наконец, употреблю власть, *юже даде нам Бог, не на разорение, а в создание* (2 Кор. 10,8).

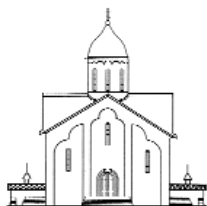
Посему я предупреждаю и объявляю громким голосом: "Если кто после этого увещания и наставления пойдет на нечестивые и гибельные зрелища, того я не впущу внутрь этой ограды, не сделаю причастником таинств, не позволю ему прикоснуться к священной трапезе; но как пастыри отделяют шелудивых овец от здоровых, чтобы болезнь не распространилась и на прочих, так точно поступлю и я." Ибо, если в древности прокаженный должен был оставаться вне стана и, хотя бы это был царь, он выводился туда с диадемою; то тем более мы изгоним прокаженного душою из этого

священного стана. Вначале я употреблял увещание и совет, а теперь, после такого увещания и наставления, необходимо, наконец, прибегнуть и к отсечению. Вот уже прошел год с тех пор, как я прибыл в ваш город, и не переставал часто и постоянно предлагать вам такое увещание; но так как некоторые остаются в этой заразе, то теперь уже мы сделаем отсечение. Ибо, хотя я не имею железа, но имею слово, острейшее железа; хотя я не ношу огня, но есть у меня учение, пламеннейшее огня и могущее жечь сильнее. Не призирай же нашего приговора. Хотя мы не важны и весьма смиренны, однако, по благодати Божией, мы получили достоинство, по которому можем делать это. Итак, да будут отлучены такие люди, чтобы здоровые у нас сделались более здоровыми, а больные восстановили себя от тяжкого недуга. Если вы вострепетали, услышав этот приговор, - ибо я вижу всех вздыхающими и сокрушенными,- то пусть они перемянутся, и приговор будет отменен. Ибо мы получили власть как вязать, так и разрешать и опять приводить (в церковь). Мы хотим не отлучать наших братьев, но отклонить позор от церкви. Иначе и язычники станут издеваться над нами и иудеи станут насмехаться, если мы будем так равнодушно смотреть на наши собственные грехи. А в противном случае и они станут ободрять нас и удивляться церкви, получив уважение к нашим законам. Итак, пусть не входит в церковь никто из предающихся этому прелюбодеянию, но пусть будет он отвержен и вами и станет общим врагом. *Аще кто*, говорит апостол, *не послушает словесе нашего посланием, сего назнаменуйте и не примешайтесь ему* (2 Сол. 3,14). Сделайте вот что: не разговаривайте с ним, не принимайте его в дом, не разделяйте с ним трапезы, не имейте с ним общения ни при входе, ни при выходе, ни на торжище; таким образом мы легко возвратим его. Как тех зверей, которых нелегко поймать, охотники загоняют в сеть, преследуя не с одной стороны, но со всех сторон; так и тех, которые уподобились свирепым зверям, будем преследовать общими силами, мы с одной, а вы с другой стороны, и тогда скоро уловим их в сети спасения. А дабы это сделалось, разделяйте и вы с нами негодование против них, или лучше, скорбите за законы

Божии, и мало-помалу обращайтесь столь тяжко болящих и согрешающих братий, чтобы они постоянно были с вами. Не малое постигнет вас осуждение, если вы будете пренебрегать такую погибелью, но подвергнетесь величайшему наказанию. Ибо, если и в домах человеческих, когда кто-нибудь из слуг уличен в краже серебра или золота, наказывается не один только похититель, но и знавшие о том и не открывшие; то тем более в церкви. Бог скажет тебе так: видя, как из Моего дома украден не серебряный или золотой сосуд, но похищено целомудрие, как тот, кто причащался Пречестного Тела и участвовал в такой Жертве, отправился в диавольское место и впал в такое преступление, почему ты молчал, почему терпел, почему не объявил священнику? И тогда ты подвергнешься немалому наказанию. Посему и я, хотя с прискорбием, не пожалею наложить и тягчайшее наказание. Ибо, гораздо лучше нам, испытав скорбь здесь, избавиться от будущего осуждения, нежели тому, кому мы стали бы льстить словами, быть наказану тогда вместе с вами. Подлинно, не благонадежно и не безопасно для нас - покрывать это молчанием. Из вас каждый даст отчет за себя самого, а я должен отвечать за спасение всех. Посему я не перестану делать и говорить всё, - хотя бы нужно было опечалить вас, хотя бы показаться тяжелым, хотя бы несносным, - чтобы мне можно было предстать пред тем страшным престолом, не имея *скверны, или порока, или нечто от таковых* (Ефес. 5,27). Да будет же молитвами святых, чтобы уже развратившиеся скоро обратились, а оставшиеся неповрежденными еще более преуспевали в чистоте и целомудрии, дабы и вы достигали спасения, и мы радовались, и Бог прославлялся ныне и присно и в безконечные веки веков. Аминь.

Адрес храма Державной иконы Божией Матери:
140130, Московская область, Раменский район,
пос. Кратово, Нижегородская улица, д. 17.

Тел./факс: (495) 556-10-43

<http://www.derzhavnaya.narod.ru>

e-mail: derzhavnaya@narod.ru